

языке. Внешне и внутренне дом также приобрел китайский облик, сохраняя лишь отдельные элементы, которые напоминают нам о его русских корнях.

Перефразируя слова Шпенглера «когда исчезает тип дома, то это значит, что вымерла некоторая человеческая порода», можно сказать, что когда исчезают люди определенной культуры, то умирает и определенный тип дома. Это и произошло с русским домом в Приаргунском Трехречье.

Литература

Игнатович 2009 — Игнатович Т. Ю. Русская картина мира: региональные языковые реализации общенародных доминант // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. Чита, 2009. С. 117—121.

Кляус 2010 — Кляус В. Л. Административная реконструкция русской деревни в Китае // Сибирская деревня: в 3 т. Омск, 2010. Т. 3. С. 234—245.

Логиновский 1903 — Логиновский К. Д. Материалы к этнографии забайкальских казаков // Записки общества изучения Амурского края Владивостокского отделения Приамурского отдела РГО. 1903. Т. 9. Вып. 1. С. 1—135.

Соловьева 2011 — Соловьева М. Р. Характер отражения традиционных форм крестьянской взаимопомощи в современных устных рассказах русских старожилов Приангарья и Забайкалья // Традиционная культура. 2011. № 1. С. 126—135.

Шпенглер 2009 — Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. М., 2009.

Юнг 2003 — Юнг К. Г. Воспоминания, сновидения, размышления. Минск, 2003.

Сокращения

Архив УНЦСА РГГУ 2008 — Полевой архив Учебно-научного центра социальной антропологии. Экспедиция 2008 г. в Приаргунье.

Summary. *This article describes the history of a house in the former Russian settlements of Near-Argun-Three-Rivers region (Northern Manchuria) — including changes in the appearance of the house and its interiors, and the transformation of rituals and folklore traditions, connected with houses, which took place under the influence of Chinese culture.*

Key words: *Russian house, ritual and folklore traditions in Russian-Chinese borderlands.*

И. С. СЛЕПЦОВА
(Москва)

«ЖИВОЙ» ДОМ: ОТРАЖЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ИНТЕРЬЕРЕ¹

Аннотация. В статье на материале полевых исследований последних двух десятилетий, проведенных в селах и малых городах Костромской, Вологодской и Ульяновской областей, и мемуарной литературы рассматривается, как человек конструирует свое приватное пространство, какие его элементы являются наиболее важными для создания комфортной среды, дающей ему ощущение безопасности. Основное внимание в работе уделено проблеме личностных проявлений в пространстве дома и наполняющих его вещах.

Ключевые слова: антропоморфность дома, личный выбор, интерьер, адаптивная пластичность, гомеостаз.

В этнологических и культурологических исследованиях дом и человек часто рассматриваются как взаимозависимые элементы микромоделей мира, дом в целом символически уподобляется телу человека, а отдельные его детали — частям тела [Элиаде 1994, 43, 108—112; Байбурин 1983, 10—11; Цивьян 1978]. К проблеме антропоморфности дома можно подойти и с другой стороны, проводя параллели между домом и личностью человека, которая вписана в конкретный культурно-исторический контекст и обладает определенными психическими чертами. При этом более важным становится изучение того, как отражается в пространстве дома индивидуальность человека, поскольку в обустройстве жилища, особенно личного пространства, проявляется фунда-

¹ Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России: Традиции и новации в культуре народов России», проект «Кросс-культурный анализ социального пространства и механизмов регуляции социальной напряженности: от традиции к современности».

ментальное качество человеческого сознания: стремление осмыслить, а затем и преобразовать окружающее его пространство соразмерно со своими характеристиками и свойствами [Антропологическая соразмерность 2009]. Поэтому в жилом пространстве можно увидеть некоторые особенности, присущие живому организму. Собственно, сама метафора «интерьер как живой организм» возможна лишь в контексте жизнедеятельности человека. В данной статье мы постараемся показать сходство некоторых параметров интерьера и живого организма: единство и взаимозависимость всех его составляющих частей, изменчивость под влиянием внутренних и внешних факторов, стремление поддерживать оптимальные жизненные характеристики и нейтрализовать вредные, разрушающие воздействия. Для этого необходимо рассмотреть, как человек конструирует свое приватное пространство, какие его элементы являются наиболее важными для создания среды, в которой он чувствовал бы себя комфортно и свободно, и которая давала бы ему ощущение безопасности. Другими словами, эта среда должна удовлетворять не только материальные потребности, но и отражать ценностные установки, эстетические представления и соответствовать психологическому типу личности. Поэтому основное внимание в настоящей работе будет уделено проблеме личностных проявлений в пространстве дома и наполняющих его вещах. Для анализа нами привлекаются материалы полевых исследований за последние два десятилетия в регионах России (в первую очередь — в селах и малых городах Костромской, Вологодской и Ульяновской областей) и мемуарная литература.

Мы употребляем понятие «пространство личности» для обозначения *совокупности личного опыта*, помогающего индивиду адекватно воспринимать окружающий мир, адаптироваться в нем и, по возможности, изменять его в соответствии со своими вкусами, привычками и интересами. Уникальный индивидуальный опыт, относящийся к переживаниям конкретного человека, несет на себе также «отпечаток эпохи», характерный для представителей

социальных групп и страт конкретного времени. Поэтому необходимо выделение двух составляющих пространства личности (а следовательно, и личного опыта): *культурно-исторической*, определяемой общими условиями, стилем и духом данной эпохи (в том числе модой), и *индивидуально-психологической*, связанной как с психическими качествами и установками данного индивида, сложившимися на протяжении его жизненного пути, так и с его врожденными, *биологическими* особенностями (восприятие, эмоции, чувства, темперамент, пол, возраст и т. д.). В нашем представлении обе эти составляющие равноценны, и мы не считаем, что одна из них жестко детерминирует другую. Вместе с тем, обращаясь к анализу личности и *личного опыта*, мы неизбежно акцентируем внимание на индивидуально-психологических чертах, которые обуславливают специфические, неповторимые формы поведения и взаимодействия с окружающим миром, характерные для конкретного человека и проекций его пространства личности.

Соотнося пространство личности с пространством дома, необходимо учитывать, что индивид по-разному репрезентирует себя в разных частях жилища в зависимости от их статуса. Некоторые части жилища выполняют представительские функции. Как правило, гостиная («зала», «передняя комната») является тем местом, которое в первую очередь стараются привести в соответствие с модными веяниями, даже если они не полностью совпадают со вкусами владельца дома. Если говорить об отражении в них пространства личности, то в них концентрируются «персональные», а не «индивидуальные» качества (т. е. то, как индивид хочет выглядеть в глазах других). Выбирая тот или иной стиль в обустройстве интерьера, индивид таким способом сообщает обществу о том, что принадлежит к той или иной социальной группе и разделяет характерные для нее морально-этические нормы и эстетические предпочтения. В этом смысле прихожая, гостиная и столовая, а в современном доме часто и кухня, представляют другой уровень пространства личности, чем спальня или личный кабинет.

Личностные характеристики человека, его жизненные интересы и приоритеты, проявляются особенно ярко в индивидуальном жилом пространстве, можно даже сказать, что дом представляет собой «особый вид формирования *всех* содержаний жизни» [Зиммель 1996, 257]. Интерьер не просто набор окружающих человека предметов — это отобранные и определенным образом скомбинированные им вещи. Именно *личный выбор* вещей из стандартной, предлагаемой промышленностью продукции позволяет говорить о возможности исследования интерьера для характеристики индивида, об их взаимообусловленности. В известном смысле слова, дом является «фотографией души» хозяина, внешним отражением многих его личностных качеств (в том числе самых интимных), пристрастий, привычек, моральных принципов, даже если он не склонен о них говорить. При чем здесь можно отметить такую черту интерьера, сближающую его с живым организмом, как сосуществование его отдельных элементов в качестве единого целого, в рамках одной структуры. Как разные части организма образуют целостную систему, так и вещи, наполняющие интерьер, составляют единое смысловое поле, которое представляет индивидуальность хозяина. Так же как и в живом организме, в интерьере выделяются наиболее важные части (это может быть любимый угол, кресло, те или иные предметы), без которых дом не является *своим* для человека.

Заметим, что в акцентировании отдельных частей жилища наблюдается историческая специфика. Если в традиционном жилище доминантой был, безусловно, иконный (красный) угол, то в настоящее время структура домашнего пространства, особенно в городе, изменилась. Выделение красного угла более характерно для сельского дома. Туда обычно ставится телевизор и помещаются дорогие и престижные вещи. Рядом с иконами располагаются предметы, связанные с идеологическими представлениями личности: портреты вождей, постеры, календари с изображениями тех или иных лиц, а также куклы, игрушки, напоминающие о детях и внуках. Эти вещи могут перемещаться

потом в сервант (стенку), где выставляются напоказ наиболее ценные для хозяина вещи, там же располагаются фотографии, грамоты, открытки и пр., т. е. артефакты, которые маркируют наиболее значимые для индивида события и его достижения. Таким образом, происходит встраивание новых элементов, которые подчеркивают важную роль иконного угла для самопрезентации.

Потребность в гармонично организованном пространстве, созвучном собственному мировосприятию, является одной из насущных потребностей человека. Выбирая те или иные вещи, индивид стремится окружить себя положительно оцениваемыми объектами, создать максимально комфортную в психическом и физическом отношении среду. Индивид постоянно обновляет и подстраивает интерьер под свое сегодняшнее самоощущение и мировосприятие, выбрасывая отслужившие или получившие негативное осмысление предметы. Этот процесс играет очень важную роль в жизнедеятельности индивида, поскольку с домом связана функция рекреации — восстановление сил, снятие психического напряжения и поддержание здоровья — собственно то, без чего человек не может существовать. В этом также обнаруживается сходство с живым организмом, который стремится сохранять постоянно своей внутренней среды и поддерживать оптимальные характеристики своего функционирования.

Необходимо отметить, что тактики, которые индивид использует для создания комфортной среды, могут быть диаметрально противоположными. Например, кто-то воспринимает небольшое и замкнутое пространство, заставленное мебелью и другими вещами как наиболее благоприятное, а для кого-то характерно стремление избежать абсолютной замкнутости пространства и установить визуальные связи с живой природой. Так, лет двадцать назад можно было увидеть на стенах фотообои с изображением пейзажа. Сейчас такая мода практически ушла, а эта потребность реализуется через создание иллюзии разомкнутого пространства при помощи цветовой гаммы, близкой к природной, минимума мебели, отсутствия

ковров на стенах, легких штор, комнатных растений, которые, если позволяют условия, высаживают в виде мини-сада, используя для этого эркеры или застекленные лоджии и балконы.

Наиболее наглядно соотносённость приватного пространства с живым организмом проявляется при рассмотрении внешних воздействий на эти феномены. Интерьер, создаваемый индивидом, отражает его личные предпочтения в рамках общих модных тенденций своего времени (см., например: [Бартенев, Батажкова 2000; Демиденко 2000; Борисова 2002, 188—223]). Для индивида следование моде «удовлетворяет потребности в социальной опоре», поскольку он таким образом демонстрирует, с одной стороны, «присоединение к равным по положению», а с другой — «отъединение этой группы от ниже ее стоящих» [Зиммель 1996, 268—269]. Этот процесс приводит, в конце концов, к перестройке самой структуры личности, к изменению ее ценностных установок «параллельно с изменением социальных и межличностных структур» [Бодрийяр 1999, 25].

Диктат моды можно соотнести с влиянием природной среды на организм. И в том и в другом случае объекты воздействия — интерьер и организм — изменяются и приобретают другие качества, отвечающие новым условиям. Обновление интерьера под воздействием моды происходит постоянно и постепенно, но когда отдельные изменения через некоторый период времени достигают критической массы, то происходит скачок, выражающийся в кардинальном переустройстве интерьера. Так, например, диван или кровать вытеснили в крестьянском доме встроенные лавки и привели к необходимости приобретения стульев и кресел, а гардероб заменил сундуки и лавки-«коньки», служившие для хранения одежды. Все это существенно повлияло на общее расположение предметов мебели и иных вещей в интерьере, что отразило и трансформацию личностных вкусов и приоритетов. Такие преобразования отмечались в сельском интерьере еще в XIX в., они были связаны с общими процессами развития капиталистических отношений и урбанизацией быта

и, в основном, касались зажиточной части крестьянства [Станюкович 1970, 77—78, 87—88]. В более массовом масштабе эти изменения затронули село в послевоенные годы прошлого века, причем их динамика была различной в разных регионах России. К 70—80-м годам прошлого века сельский интерьер приобрел достаточно стандартный вид: сервант с парадной посудой, гардероб или стенка, диван или кровать, стол со стульями, ковер на стене. Аналогичные процессы можно наблюдать и в живом мире, демонстрирующем скачкообразную эволюцию организмов.

Общая модель функционирования моды — «низшие» классы подражают «высшим» — обладает исторической спецификой. Например, в допромышленную эпоху *личный выбор* был ограничен рамками традиции и на него очень большое влияние оказывало общественное мнение. Оформление интерьера определялось принадлежностью к той или иной социокультурной (столичное или провинциальное дворянство, купечество, мещанство, крестьянство), возрастной, этнической группе (см., например: [Тыдман 2000; Беловинский 2002; Соколова, Орлова 1982] и др.). Причем происходил процесс постепенного проникновения некоторых стандартных способов оформления интерьера, которые в определенную эпоху свидетельствовали о принадлежности к престижному социальному кругу, в низшие социальные слои.

В современную эпоху можно наблюдать тот же процесс, роль «ориентира» при этом играет новый социальный слой, включающий в себя представителей шоу-бизнеса, артистов, спортсменов, отчасти политиков и др. — всех тех, чья деятельность и успех тесно связаны с публичностью. Постоянно появляясь на экранах телевизора или на страницах иллюстрированных изданий на фоне домашних интерьеров (часто шикарных), эта социальная группа навязывает остальным свои критерии и вкусы. Огромное значение для формирования общественных предпочтений имеют современные массмедиа и гляцевые журналы, которые, предлагая те или иные способы создания интерьера, формируют представление о современ-

ной норме в обустройстве дома и тем самым влияют на личные предпочтения. В силу того, что в социально-стратифицированном обществе обладание теми или иными вещами является показателем статуса индивида, наблюдается подражание стилю жизни элиты, что отражает стремление соответствовать внешним знакам социальной успешности, своеобразную «социальную мимику». Одним из вариантов последней является стандартный интерьер, который будет отражать личность, в большой степени зависящую от мнения своей референтной группы и для которой важнее следование стереотипам и моде, принятым окружающими, а не проявление своего индивидуального вкуса.

Организация интерьера в соответствии с личностными установками («по образу и подобию своему») приводит к определенной идентификации с домом. Для хозяина оформление комнаты и позиционирование в ней вещей наполнены глубоким смыслом, даже если постороннему наблюдателю оно и кажется бессистемным, вызывает ощущение беспорядка («жуткий бардак» — частое определение родителями состояния комнаты своего ребенка). Неслучайно, попытки посторонних «навести порядок» обычно встречают немедленное сопротивление, поскольку вторжение в личное пространство расценивается индивидом как вторжение в пространство личности и угрозу своему душевному равновесию. Именно в этом смысле можно говорить о «психологически интегрированном пространстве» [Бодрийяр 1999, 22], т. е. пространстве, организованном в соответствии с психической структурой личности и объединенном установками, идеалами и моральными устоями данного индивида.

С этой точки зрения можно рассматривать попытку одной жительницы г. Нерехта Костромской обл., проживающей в старом доме (ее семья занимает его с 70-х гг. XIX в.), воссоздать в нем дореволюционный интерьер. Для этого она отреставрировала оставшуюся в доме старинную мебель и специально искала различные предметы старого обихода. Даже новые предметы мебели, которые приходится покупать, старается подобрать так, чтобы они не выби-

вались из общего ансамбля. Атмосферу старины создают также фотографии родных, сделанные до революции, картины местных художников и собственные вышивки в стиле модерн, образцы для которых взяты из журнала «Нива» и других изданий. В ее представлении старый интерьер воплощает в себе идею стабильности и гармонии в противовес меняющейся и беспокойной современности, создает атмосферу уюта и защищенности. *«Мне с ней удобно, мне комфортно, она мне вот как душу греет, <...> какая-то аура хорошая. Я вот вижу прелесть в том, в старом, а вот в этом (новом) я не вижу. <...> Мне так комфортно вот на этом старом диване, мне так комфортно в тех старых деревяшках. Очень комфортно, мне очень хорошо, спокойно, как со старыми со своими. <...> Мне кажется, в общем-то, у меня есть вот это вот, без ложной скромности, ощущение гармонии»* (ЛА СИС Ф2009-7Костр.). Дочь хозяйки дома совсем по-другому относится к этому интерьеру: ей ближе современный стиль, а старинную мебель она считает старьем, которое надо выбросить, поэтому ее комната обставлена в основном новой мебелью. В этом проявляются индивидуальные различия в ощущении психологически комфортной среды.

Интересна реакция разных людей (не друзей и не знакомых, которым известны особенности дома), попадающих в этот неординарный дом. Кого-то он оставляет равнодушным, других восхищает. Эмоциональное отношение к чужому интерьеру происходит в силу того, что составляющие его предметы воспринимаются как «текст», который принимается или отторгается зрителем. Хозяйка вспоминает слова одного молодого человека, по случаю оказавшегося у нее: *«Надо же как у вас, у вас какая-то атмосфера другая. И у вас дышится совсем по-другому. У вас как в музее. Как же у вас хорошо! Картины у вас висят, мебель такая. У вас вообще всё не как сейчас»*. Ее очень радует такое восприятие дома, так как она понимает, что это переживание может изменить человека в лучшую сторону. *«А мне это радостно, приятно очень. Понимаете, он посматривает, у него где-то отложится, может быть, потом, когда-*

то у него что-то еще в голове повернется, кто его знает, на что повлияет. На любое может, на любое что-то, даже на сознание...» (ЛА СИС Ф2009-7Костр.). Этого молодого человека и хозяйку дома сближает общее понимание гармоничного пространства.

Как пример психологически интегрированного пространства можно рассматривать те элементы интерьера, где сосредотачивается большая часть личностно значимых предметов, например, рабочий стол. Если в традиционном крестьянском быту стол практически не имел личностных функций, то в современном интерьере он постепенно становится важной частью пространства личности. Вот описания столов двух молодых людей, которые наглядно демонстрируют индивидуальность их хозяев. *«Я люблю, чтобы у меня на столе было много свободного места, я стараюсь все убирать в стол, чтобы у меня было больше пространства для работы. На столе только самое важное. На столе моя фотография стоит — недавно вот нашел такую вот смешную фотографию, где я там в шапке в зимней и в трусах, в калошах больших — маленький стою. На стене тоже моя фотография»* (ЛА СИС Ф2009-5Костр., А. Пухов). И второе описание: *«У меня на столе такой небольшой бардачок, ну там потому что уроки всякие, много там еще всего. Учебники там лежат, ну, там они уже лишние по идее-то, картинки всякие: ну, там мы с друзьями — фотографии, ну, у меня много чего, наша компания, наш класс есть»* (ЛА СИС Ф2009-5Костр., Д. Можжухин).

Особое оформление могут иметь прилегающие к рабочему столу стена или книжный шкаф. Книжные полки или шкафы часто стали выполнять функции горок, в которых выставляются предметы, имеющие для хозяина важное значение. *«В этих полках стоят игрушки, там всякие солдатики остались [с детства], просто так не выкинешь, жалко»* (ЛА СИС Ф2009-5Костр., А. Пухов).

Обустройство жилого пространства в соответствии с собственными представлениями является одной из форм самореализации личности, которая доступна каждому в повседневной жизни.

Даже простая перестановка мебели или привнесение в интерьер каких-либо новых вещей (или удаление старых) является той деятельностью, которая отражает трансформации, произошедшие в сознании индивида, и которая должна привести в согласие окружающее его пространство с изменившимся самоощущением. Таким способом индивид создает своего рода «зеркало», в которое он смотрится не только сам, но и которое представляет его другим. В отличие от обычного оно более комплиментарно, его можно переделывать в зависимости от настроения, и оно отображает не внешний вид, а внутреннюю сущность индивида. Конечно, это прежде всего относится к личным интерьерам (спальня, кабинет), которые не выполняют представительскую функцию.

Одним из наиболее ярких примеров самореализации личности является интерьер, который создает человек, обладающий какими-либо специальными умениями, например, резчик по дереву, самодеятельный художник, гончар, фотограф и др. Предметы, сделанные своими руками и отражающие эстетические предпочтения хозяина, организуют все внутреннее пространство дома, выполняя роль своеобразной доминанты. Они притягивают к себе внимание и отодвигают на задний план остальную стандартную обстановку.

Но часто люди, даже и не обладающие столь ярко выраженными художественными способностями, стремятся придать неповторимость своему жилому пространству при помощи созданных своими руками вещей, которые отражали бы их индивидуальность. Это могут быть различные текстильные изделия: покрывала на диван, подушки, чехлы на стулья или табуретки, изготовленные из остатков тканей или старых вещей, вязанные крючком или тканые половики, занавески, выполненные в технике ришелье, и т. п. Нередко встречаются разнообразные украшения из елочной мишуры, цветной бумаги или ярких конфетных фантиков, которые помещают на иконы, рамки с фотографиями или картинками, трюмо, между рамами окон. Одно время распространилась мода на изготовление вазочек и коробочек из пластиковых бутылок и

алюминиевых пивных банок. Все эти поделки выполняют в первую очередь эстетическую функцию, отражают желание создать гармоничное пространство. Но не менее важно и то, что таким способом индивид демонстрирует творческие способности, которыми не обладают окружающие и благодаря которым он выделяется среди них, что имеет немалое значение для его самоуважения и повышения самооценки. Нередко такие люди становятся участниками выставок самодельного художественного творчества, что делает их известными не только в кругу своих близких, но и более широко — в городе или области.

Таким же примером самовыражения является интерьер, который создает индивид, обладающий особым духовным настроем и духовными исканиями, что проявляется в привнесении сакральных предметов в бытовое пространство. Количество икон и других христианских атрибутов в доме, их размещение и украшение — все это красноречиво свидетельствует о стремлении человека к одухотворению своего жилого пространства (подробнее см.: [Шляхтина 2004; Она же 2009; Листова 2009, 590—591; Тульцева 2001, 18; Цеханская 2004, 125—150]).

Оформление личного жилого пространства редко бывает совершенно свободным актом, совершаемым индивидом только по своему желанию. Довольно часто приходится идти на больший или меньший компромисс с окружающими людьми, учитывая их интересы и потребности. В большой семье, живущей в сравнительно небольшом доме или квартире, где отдельные члены семьи не имеют личного пространства, оформление и наполнение интерьера определяется согласно двум основным стратегиям. Первая осуществляется в семьях с высоким авторитетом родителей, хозяев дома, которые и принимают основные решения. То есть, пространство дома будет отражением пространства личности этих людей. Вторая стратегия возможна, если старшие члены семейства лояльно относятся к попыткам детей и внуков трансформировать пространство дома в соответствии со своими представлениями о гармонии и красоте. Часто это

супруги детей хозяев дома, носители не только своей личной традиции, но и культурных навыков своей семьи, которые они стремятся привнести в новую семью. Тем самым создаются своеобразные «культурно-психологические миксты» из разных культурных и психологических опытов, выраженные во вкраплениях в оформлении интерьера. В личных комнатах современной молодежи часто присутствуют предметы мебели и иные вещи (ковры, занавески, сервизы и вазы, картины на стенах и др.), навязанные им родителями. Именно эти вещи вызывают у хозяев комнаты наибольшее неприятие и протест [Щеглова 2003, 120]. Таким образом, предметы домашнего обихода выступают в качестве индикатора характера межличностных отношений.

Некоторые вещи, представленные в интерьере, содержат больше личностной информации по сравнению с другими. В первую очередь это относится к различным изображениям, в частности к фотографиям, которые присутствуют практически во всех домах, достаточно красноречиво характеризуя их владельцев. У молодежи, например, присутствие своей фотографии в детстве, особенно с трогательным сюжетом, может говорить о душевном равновесии, принятии себя и даже о снисходительном самолюбовании. Фото юной девушки во взрослом роскошном наряде (компьютерные технологии легко позволяют сделать это) репрезентирует ее как личность с амбициями, нацеленную на признание и достижение успеха. Фотография в историческом костюме характеризует личность, склонную к игровым перевоплощениям. Групповые фотографии с друзьями или родителями представляют общительного индивида, для которого отношения с близкими являются ценностью.

В селах и небольших городах особенно в послевоенное время, когда широко распространилась фотография, в том числе и любительская, сложилась традиция обязательно помещать на виду изображения нескольких поколений семьи. Это портреты родителей, обычно первых хозяев дома, переснятые с маленьких (паспортных) фотографий, сделанных в предвоенные годы, отре-

тушированные и иногда раскрашенные, портреты нынешних хозяев дома в молодости (1940—1950-е гг.), также увеличенные с паспортных фотографий. Эти фотокарточки в рамках вешают на стены справа или слева от красного угла. Снимки детей, внуков, правнуков и других родственников иногда составляют своеобразную мозаику, помещенную в раму, или бывают расставлены в серванте, на трюмо, прикреплены к стене. Сюжеты фотографий отображают наиболее значимые моменты в жизни индивида: детство, школа, служба в армии, свадьба, демонстрация достижений (награждение, участие в важных мероприятиях), дружеские компании, праздничное застолье, похороны. Они представляют собой историю большой семьи, репрезентацию ее во времени и пространстве.

Такое оформление жилья особенно характерно для старшего поколения, которое живет отдельно от детей и внуков. Фотографии близких в данном случае создают эффект их присутствия. Возможно, именно чувство одиночества и заставляет стариков окружать себя портретами родных, тем самым устанавливая контакт с ними. Рассматривание снимков сопровождается воспоминаниями об изображенных и обстоятельствах их жизни, эмоциональным переживанием ситуаций, связанных с ними. Нередко уход за фотокарточками (с них тщательно смахивают пыль, покрывают специально изготовленными кружевными салфетками или ставят на них фотографии, помещенные в рамки и т. п.) сопровождается вербальным общением, особенно если человека с изображенным связывали близкие и теплые отношения. Нам несколько раз приходилось наблюдать, как фотография в буквальном смысле заменяла человека: ее гладили, обращались к ней со словами любви и упрека, а один раз при этом употреблялись традиционные формулы, присущие поминальным плачам.

Фотографии артистов (календари и постеры) в некоторых обстоятельствах несут смысловую нагрузку аналогичную фотографиям родных. Они могут выполнять мемориальную функцию, если, например, повешены близкими людьми. В этом случае важно не само

изображение, а связанная с ним память о близком человеке. Поэтому в домах стариков порой встречаются оставшиеся после летнего пребывания детей или внуков портреты музыкантов или артистов им совершенно незнакомых, но сохраняемые как память о родных.

Иногда похожую роль играет персонаж телевизионного сериала, к которому начинают относиться едва ли не как к члену семьи. Одно время во многих домах можно было встретить портрет Вероники Кастро, актрисы, исполнившей главную роль в сериале «Просто Мария», судьба героини которой вызвала самое живое участие и становилась предметом обсуждения в не меньшей степени, чем, например, обстоятельства жизни детей или внуков. Присутствие в интерьере одинаковых портретов указывает не только на сходство эстетических представлений, но и свидетельствует об общности нравственных установок, представлений о жизни, стремлении к консолидации, то есть отражает ментальность конкретной социокультурной группы.

Портреты кумиров у подростков и молодежи выполняют другие более разнообразные и важные функции, чем у старшего поколения, что объясняет довольно частое их присутствие в интерьере. Во-первых, молодой человек с еще не сложившимся самоопределением и нестабильной самооценкой приобретает в лице кумира социальную модель, то есть образец, на который он ориентируется в поведении, выборе целей и жизненных ценностей, что помогает ему в процессе самоидентификации. В определенной мере окружение себя портретами «идеалов» (идолов) близко, по сути, к ролевой игре: и тут, и там индивид примеряет на себя маску кого-то другого, пытается присвоить себе его качества и чувства, выступить от его имени (хотя бы в мечтах). С этой точки зрения показательно следующее свидетельство молодого человека, поклонника одной из музыкальных групп. *«Вот мы с другом слушаем одну и ту же группу музыкальную. Для меня она является любимой. Я выбрал для себя ну вот очень похожего на меня по шуточкам, по повадкам одного солиста, а он выбрал другого. И вот этот солист он ходит*

с «ирокезом», и вот он (=друг) тоже. Раньше он, например, любил футбол и делал прическу, как у футболиста у любимого, а сейчас ему больше понравилось с «ирокезом», попробовать себя вот еще. <...> Мы хотели когда-то спеть песню этой группы, как бы он в роли этого человека, я в роли — этого. Так, в таком плане. <...> У него дома плакаты этой группы есть, висят. У меня уголок такой на полочке есть, под эту группу конкретно» (ЛА СИС Ф2009-5Костр., Н. Родионов).

Во-вторых, изображения кумиров обладают компенсаторной функцией. Помещая в своем жилом пространстве подчеркнуто маскулинные, с агрессивным оттенком изображения, юноши тем самым камуфлируют неуверенность в собственных силах, пытаются восполнить недостаток мужественности. В-третьих, постоянное присутствие значимых образов создает иллюзию причастности к «великому», его доступности и даже отчасти равенства с ним, особенно если портрет знаменитости имеет автограф или если на снимке присутствует также и владелец изображения. И наконец, это выражение эстетических пристрастий и ценностных установок (например, портреты Д. Хворостовского и Д. Билана невозможно представить в одном интерьере).

Характерно, что окружение себя изображениями кумиров более свойственно подросткам, повзрослев и обретя собственную идентичность, многие отказываются от их портретов, «фанатеть» становится неинтересно. «Раньше в детстве было одно время, уже прошло, да, класса до седьмого. Ну, как-то фанатизм, как-то уже отходит на второй план...» (ЛА СИС Ф2009-5Костр., А. Пухов). Можно предположить в характере молодого человека некоторую инфантильность, отсутствие уверенности в своих силах и, возможно, низкую самооценку, если он и в более старшем возрасте продолжает украшать свою комнату в таком же стиле.

В интерьерах юношей нередко присутствуют эротические картинки (изображения полуодетых женских фигур). Они могут свидетельствовать о гендерно подпадающей идентификации и ориентации, подчеркивать мужествен-

ность их хозяина, выполнять эстетическую функцию.

Таким образом, визуализация в жилом пространстве личностно важной информации, зависит от целей индивида, часто даже не осознаваемых. Это может быть желание отгородиться от живущих рядом людей, особенно если их жизненные позиции и вкусы не совпадают, продемонстрировать какие-либо умения, заявить о своих пристрастиях, принадлежности к той или иной социальной группе и т. п.

Часть предметов, представленных в жилом пространстве, можно охарактеризовать как реликвии, то есть как вещи, которым придается особый семиотический статус. В крестьянском быту XIX в. и отчасти XX в. в качестве реликвии выступали, как правило, только предметы религиозного поклонения: иконки, крестики, образки, святая вода, привезенные из мест паломничества. Присутствие их в интерьере того или иного дома свидетельствовало об особом благочестии его жителей. Обычно эти предметы ставились на божницу, где хранились и другие важные для семейной памяти вещи: венечальные свечи, письма родных и др. [Логинов 1992, 104—105; Цеханская 2004, 138—142]. В современный период как в городе, так и в деревне реликвией может считаться любой предмет, если имеется к нему особое отношение, если это свято хранимая память о прошлом. Причем ценность вещи самой по себе не играет роли, важнее связанные с нею переживания и воспоминания. Так, в одной семье реликвией стало старое фортепиано, которое напоминало о матери. «Мама расставалась с инструментом (=фортепиано), когда мы уезжали из Ташкента, как с живым человеком. Вытирала и закрывала, вешала мешочки от моли, ставила баночки с водой от сухости, поглаживала блестящую поверхность. Это была ее мечта. На таком красивом фортепиано когда-то играли ее двоюродные сестры, а ей так и не довелось... Этот старый черный инструмент, который ныне смотрится как-то архаично, спустя десятилетия перекочевал в нашу квартиру в Пушкино. На нем учились играть мои дети и, глядя на него, я всегда вспоминала комнату

в Ташкенте, где впервые появилось это пианино. <...> Может быть проще было бы купить новый инструмент, но такая мысль кажется мне неприемлемой, пусть оно всегда стоит, это старое фортепиано, где-нибудь в доме моих детей» [Пашкова 2003, 18—19].

В доме реликвию помещают на видное место и демонстрируют гостям, ей гордятся, она является доказательством особой значимости человека, причастности его предков или его самого к историческим событиям или великим людям. Рассказ о реликвии поднимает человека над обыденностью и позволяет ему почувствовать себя в некотором роде выдающейся личностью, хотя бы на фоне остальных, не имеющих такого рода памятных предметов. В с. Старое Вологодского района и области в одной семье встретился тщательно сберегаемый медальон с изображением Николая Чудотворца. По преданию, которое передается в этой семье уже несколько поколений, он достался одному из предков из рук Екатерины Великой — такие образки Екатерина лично надевала на каждого солдата. Нынешняя владелица реликвии считает, что эта иконка оберегала ее на фронте во время Великой Отечественной войны (ЛА СИС Ф1999-11Волог., В. В. Левшина).

Особую роль в интерьере играют коллекции тех или иных вещей. Они в большей степени, чем реликвии или подарки, отражают личные склонности и предпочтения индивида. Если некоторые предметы коллекционирования довольно нейтральны в плане характеристики человека (например, магниты, которые часто помещают на холодильник, могут отражать географию путешествий), то такие вещи, как оружие или дизайнерские куклы более ярко представляют своего хозяина. Например, коллекция ножей и зажигалок, собираемая девушкой, жительницей г. Нерехта, свидетельствует о ее решительным и независимом характере, смелости и прямоте, склонности к рискованному поведению. Впрочем, эти предметы выполняют не только эстетическую функцию в интерьере ее комнаты, но и используются по назначению с представительскими целями, то есть для повышения престижа

в компании сверстников. Например, красивый нож берется на пикник, где он демонстрируется друзьям и привлекает общее внимание к его хозяйке, а эффектная серебристая зажигалка является аксессуаром к белому костюму (ЛА СИС Ф2009-17Костр., Л. Кокорина). Так, обладание оригинальными и престижными вещами формирует у их владельца чувство самоуважения.

Собирание каких-либо предметов может происходить под влиянием семейного предания, особенно если оно способствует повышению самоуважения и если к нему относятся с должным пиететом. В мемуарах К. Атаровой приводится семейная легенда, согласно которой семья была в родстве с Наполеоном (бабушка считала себя потомком Александра Валуевского, сына Наполеона и Марии Валуевской). *«Что касается родства с Наполеоном, такова семейная легенда. Сколько здесь правды, не знаю. Бабушка верила в нее свято. И ее стараниями в нашем доме накопилось немало предметов с изображением французского императора: бронзовый колокольчик с фигуркой Наполеона, старинная чашечка с его портретом, несколько гравюр с его изображением (одна, где он еще первый консул, и сейчас висит в столовой), пресс-папье в виде треуголки...»* [Атарова 2001, 15].

В целом же коллекционирование может иметь разные функции. На примере собирания предметов антиквариата Л. Л. Шпаковская рассматривает некоторые мотивы коллекционирования в советскую эпоху: для одних это было продолжением семейной традиции, для других — способом создания истории, связанной с предками, для третьих — утверждением привилегированности, а для кого-то — способом альтернативного бытия, «проявлением возможности выбора в условиях унифицированного существования» [Шпаковская 2000, 73]. Для каждой из этих категорий антикварные вещи в интерьере приобретали свое специфическое значение, связанное с личной и семейной историей.

Близкую к реликвиям и к коллекциям предметов роль играют в интерьере сувениры, различные вещицы — знаки памяти, привозимые из путешествий. Конечно, здесь также большую роль

играют материальные возможности. Одно дело предметы старины или изделия местных промыслов, привозимые состоятельными путешественниками с целью продемонстрировать свое богатство и вкус, и другое — ракушки, собранные девочкой, впервые попавшей на море: *«По всем книжным шкафам у меня расположены ракушки с моря как воспоминание теплое»* (ЛА СИС Ф2009-5Костр., Е. Зотова).

Важная функция в оформлении интерьера отводится подаркам, в качестве которых могут выступать самые различные предметы. Их исполнение и качество зависит как от личности дарителя, так и от того, кому они предназначены. Тот факт, что хозяин считает необходимой их демонстрацию, свидетельствует о важности данных вещей в ценностной шкале личности. При этом можно выделить несколько мотивов такого поведения. Часто выставленный напоказ подарок призван продемонстрировать престижность и ценность подаренной вещи, что в свою очередь должно подчеркнуть и «ценность» владельца подарка не только для дарителя, но и для всех окружающих. Поэтому в качестве выставляемых подарков часто фигурируют необычные, экзотические или раритетные вещи, нередко из числа престижных для данной группы. Это сигнализирует о принадлежности к ней данного индивида. Например, в советское время такими социальными маркерами могли быть хрусталь или дорогие и редкие книги, а в наше время этот статус часто имеют предметы антиквариата, коллекционное оружие, произведения искусства.

Вместе с тем, многие подарки выполняют и мемориальную функцию. Для их демонстрации отводится специальное место, это часто сервант или секция мебельной стенки, горка, книжная полка, тумбочка и т. п. Подарки напоминают их обладателю о тех или иных важных событиях в его жизни и о причастных к ним людях, а также о самих дарителях, особенно если между ним и хозяином подарка существуют или существовали устойчивые личные отношения и эмоциональные связи. В этом случае в интерьере появляются и достаточно невзрачные и скромные

предметы, нередко дополненные различными надписями и пожеланиями адресату, а также различные поделки собственного изготовления, изделия народных промыслов, а иногда и обычные сувениры из числа товаров широкого потребления, открытки, календари и т. п. Частыми подарками для девушек становятся мягкие игрушки. *«Эти игрушки мне подарили на 8 Марта, на день рождения, это я еще участвовала в конкурсе “Мисс Нерехта” — это мне тоже подарили игрушку. Всё равно приятно дарить мягкие игрушки. <...> Напоминают о детстве»* (ЛА СИС Ф2009-12Костр., О. Катилова).

Предметы как первой, так и второй группы могут выполнять также и эстетическую функцию, то есть с точки зрения хозяина служить для украшения интерьера. Очевидно, что эстетические критерии определяются художественными способностями, кругом интересов данного человека, его увлечениями и пристрастиями, образованием и т. п. (см.: [Логический анализ 2004]). Если учесть все это, то не удивительно, что «красивыми» могут считаться и незамысловатые вещицы в стиле кич, и рекламные постеры с поздравительными и мемориальными надписями (например, с автографом любимого артиста), и предметы домашнего рукоделия (салфетки, коробочки, склеенные из цветной бумаги, вышивки и др.).

Некоторые предметы обихода оказывают гораздо большее влияние на личность, ее формирование и самоощущение, чем другие. К ним относится, прежде всего, зеркало. В отличие от традиционного быта, где зеркало помимо утилитарного применения демонстрировало еще и материальный уровень семейства (имело престижную функцию), в современности оно используется в основном в первом значении, для созерцания собственной внешности, то есть для аутокоммуникации. При помощи зеркала человек осуществляет контроль за внешним видом, и внося необходимые коррективы, создает облик, приближенный к идеалу. Разглядывание себя в зеркале — это активная деятельность по самопознанию, по изменению внешнего и, следовательно, внутреннего мира. В результате этого процесса индивид

приобретает новую идентичность. В конечном счете, таким способом индивид создает «персону», что помогает ему действовать в социуме. Исходя из этого, становится понятным, почему подростки и молодежь так много времени проводят у зеркала, что иногда вызывает нарекания родителей («Перестань вертеться перед зеркалом»). Названные функции зеркала в современности диктуют его расположение в интерьере: это ванная комната, прихожая (взгляд перед выходом), туалетный столик, который является «женским» пространством и на который, кроме косметики и парфюмерии, хозяйка ставит предметы чем-то ей дорогие: фотографии, подарки, сувениры.

Зеркало может также репрезентировать личность, особенно если оно является предметом антиквариата или дизайнерской вещи, изготовленной в единственном экземпляре. В первом случае оно будет свидетельствовать о приверженности его владельца тому или иному стилю, о желании подчеркнуть свою принадлежность к семье с родословной (или создать видимость этого), возможно и о следовании консервативным ценностям. Во втором — об оригинальности, стремлении подчеркнуть свою необычность.

Если обустройство внутреннего жилого пространства только отчасти ориентировано на взгляд Другого, то некоторые части жилища в большей степени несут эту нагрузку, выполняя функцию самопрезентации. Это, прежде всего, относится к окнам дома, на которые ставятся предметы, изначально рассчитанные на внешнее восприятие. Это могут быть статуэтки, вазочки, куклы и другие игрушки, искусственные цветы и т. п. В малых и средних городах часто принято декорировать окна (особенно на первом этаже) яркими комнатными цветами, причем между хозяйками разворачивается настоящее соревнование в умении достать красивые цветы и оформить окна. Украшение окон, как правило, прерогатива женщин. Эстетически привлекательное окно подразумевает, что и во всем доме царят порядок и красота. Таким образом, ориентированное на внешний обзор окно, изображает собой в миниатюре весь дом, характери-

зует проживающих в нем людей в том виде, в каком им хотелось бы предстать перед обществом.

В настоящее время наблюдается тенденция раздвинуть границы дома, что выражается в украшении придомового пространства. В небольших городах это воплощается в устройстве нарядных цветников перед домом, которые не огорожены забором, как обычно, а, напротив, открыты на улицу. Роль изгороди выполняют мелкие валуны, необработанные камни или деревянные конструкции, сами являющиеся элементом декора. В больших городах на газонах у многоквартирных домов нередко также появляются цветники, которые, как правило, устраивают жительницы квартир, расположенных на первом этаже. Иногда им стараются придать еще большую декоративность при помощи керамических изделий или старых детских игрушек, используемых вместо садовой скульптуры. Такая деятельность отражает стремление к «одомашниванию» окружающего пространства, перестройке его в соответствии со своими эстетическими представлениями.

* * *

Итак, если сравнивать внутреннее пространство дома с живым организмом, то у этих двух как будто бы совсем разных феноменов обнаруживается немало сходных черт. Прежде всего, это касается структуры жилого пространства, которая является совокупностью функционирующих как единое целое составляющих ее элементов. Как и живой организм, внутреннее пространство дома не является чем-то застывшим. Оно постоянно обновляется, откликается на трансформации во внутренней жизни обитателей дома (увеличение или уменьшение числа ее членов, изменение их возраста, статуса и др.). Внешние социокультурные воздействия, приводящие к переменам в образе жизни и эстетических представлениях, также заставляют жителей дома определенным образом реагировать на новые запросы, перестраивая свой интерьер. В этом смысле можно говорить о таком качестве интерьера, сближающем его с живым организмом, как адаптивная пластичность. Как и живой организм,

дом, вернее живущие в нем люди, стремятся к «гомеостазу», то есть к постоянному поддержанию гармоничности среды, отвечающей их психологическому настрою.

Литература

Антропологическая соразмерность 2009 — Антропологическая соразмерность: материалы всероссийской научной конференции (Казань, 2009 г.). Казань, 2009.

Атарова 2001 — *Атарова К.* Вчерашний день. М., 2001.

Байбурин 1983 — *Байбурин А. К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983.

Бартенев, Батажкова — *Бартенев И. А., Батажкова В. Н.* Русский интерьер XVIII—XIX веков. М., 2000.

Беловинский 2002 — *Беловинский Л. В.* Изба и хоромы: Из истории русской повседневности. М., 2002.

Бодрийяр 1999 — *Бодрийяр Ж.* Система вещей. М., 1999.

Борисова 2002 — *Борисова Е. А.* Архитектура // Очерки русской культуры XIX века. Т. 6. Художественная культура. М., 2002.

Демиденко 2000 — *Демиденко Ю. Б.* Интерьер в России: Традиции. Мода. Стиль. СПб., 2000.

Зиммель 1996 — *Зиммель Г.* Избранное: в 2 т. Т. 2. М., 1996.

Листова 2009 — *Листова Т. А.* Православная атрибутика в русской народной культуре // Очерки русской народной культуры. М., 2009. С. 575—614.

Логинов 1992 — *Логинов К. К.* Интерьер крестьянской избы в обрядности и верованиях заонежан // Заонежье. Петрозаводск, 1992.

Логический анализ 2004 — Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 2004.

Пашкова 2003 — *Пашкова Т. Л.* Разговор наедине. Летопись семьи в отражении ушедшего века. М., 2003.

Соколова, Орлова 1982 — *Соколова Т. М., Орлова К. А.* Глазами современников: Русский жилой интерьер первой трети XIX в. Л., 1982.

Станюкович 1970 — *Станюкович Т. В.* Внутренняя планировка, отделка и меблировка русского крестьянского жилища // Русские: Историко-этнографический атлас. М., 1970.

Тульцева 2001 — *Тульцева Л. А.* Рязанский месяцеслов. Круглый год праздников, обрядов и обычаев рязанских крестьян. Рязань, 2001.

Тыдман 2000 — *Тыдман Л. В.* Изба. Дом. Дворец: Жилой интерьер России с 1700 по 1840-е годы. М., 2000.

Цеханская 2004 — *Цеханская К. В.* Иконопочитание в русской традиционной культуре. М., 2004.

Цивьян 1978 — *Цивьян Т. В.* Дом в фольклорной модели мира (на материале балканских загадок) // Труды по знаковым системам. Вып. 10. Семиотика культуры. Тарту, 1978. С. 65—85.

Шляхтина 2004 — *Шляхтина Н. В.* Дом как среда проявления религиозности: освященные предметы и связанные с ними представления в современных православных семьях // Традиции и современность. 2004. № 3.

Шляхтина 2009 — *Шляхтина Н. В.* Отражение религиозного сознания в оформлении жилого пространства современных православных семей // Очерки русской народной культуры. М., 2009. С. 615—654.

Шпаковская 2000 — *Шпаковская Л. Л.* Общественная ценность антиквариата // Социологический журнал. 2000. № 1/2.

Щеглова 2003 — *Щеглова С. Н.* «Своя» комната как артефакт молодежной субкультуры // СоцИС: Социологические исследования. М., 2003. № 3. С. 119—122.

Элиаде 1994 — *Элиаде М.* Священное и мирское. М., 1994.

Архивные материалы

ЛА СИС Ф1999-11Волог., (Левшина В. В., 1928 г. р., род. из д. Хреново, прож. в д. Старое Вологодского р-на и обл.).

ЛА СИС Ф2009-5Костр. (Зотова Е., 16 лет, Можжухин Д., 17 лет, Пухов А., 17 лет, Родионов Н., 17 лет, все род. и прож. в г. Нерехта Костромской обл.).

ЛА СИС Ф2009-7Костр. (Князева Е. П., 1938 г. р., род. и прож. в г. Нерехта Костромской обл.).

СИС Ф2009-12Костр. (Катилова О., 18 лет, род. и прож. в г. Нерехта Костромской обл.).

ЛА СИС Ф2009-17Костр. (Кокорина Л., 16 лет, г. Нерехта Костромской обл.).

Summary. In the article on a material of the field researches of last two decades spent in villages and small cities of Kostroma, Vologda and Ulyanovsk areas, and the memoirs literature it is considered as the person designs the private space, what its elements are the most important for creation of the comfortable environment giving to it sensation of safety. The basic attention in work is given a problem of personal displays in space of the house and things filling it.

Key words: anthropomorphism of a house, personal choice, interior, adaptive plasticity, homeostasis.